

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ РАН
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
УКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ СПЕЛЕОЛОГИИ И КАРСТОЛОГИИ
АРМЯНСКИЙ СПЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО СПЕЛЕСТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

СПЕЛЕОЛОГИЯ И СПЕЛЕСТОЛОГИЯ

**МАТЕРИАЛЫ VII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**Под патронатом:
UIS Commission on Karst Hydrogeology and Speleogenesis
UIS Artificial Cavities Commission
IGU Commission Karst (C12-23)**

**НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ
2016**

РАЗДЕЛ V. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДЗЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА

UNDERGROUND SPACE USAGE

В.В. Степкин

Русское географическое общество, Воронежское отделение, Павловск

АРХИВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ДВУХ ПЕЩЕРАХ В ОРЛОВСКОЙ И УФИМСКОЙ ГУБЕРНИЯХ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

V.V. Stepkin

ARCHIVAL DATA ABOUT TWO CAVES IN ORYOL AND UFA PROVINCES: PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL ASPECT

The events of the late 19th – early 20th centuries, connected with the caves in Oryol and Ufa provinces of the Russian Empire, are described in the paper. The cave in Oryol province was situated in Livensky County near the village of Krutoe. Here local children observed the monk praying in a cave. The cave in Ufa province was located in Menzlenky County in the village of Sobolekova (nowadays it is Nizhnekamsk district of the Republic of Tatarstan). Anastasia Antonova observed relics of Saints and an unextinguishable icon lamp in this cave. These events are considered by the author according to psychological and social points of view.

В фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) автором были обнаружены два документа, в которых повествуется о событиях, связанных с пещерами в Орловской и Уфимской губерниях Российской империи. Введение данных источников в научный оборот и их анализ позволяет не только использовать содержащуюся в них информацию при поиске новых спелестологических объектов, но и лучше понять отдельные аспекты социально-психологического восприятия подобного рода сооружений.

Первый документ представляет собой рапорт в Синод епископа Орловского и Севского Никанора «о чудесах, явленных в пещере Ливенского уезда», произошедших в 1901 г. В рапорте епископ Никанор отмечал: «Ливенский уездный исправник 10 сего Мая сообщил мне, что в конце минувшего Апреля месяца среди крестьянского населения Ливенского уезда начали распространяться слухи о чудесных видениях в пещере (каменоломне) вблизи села Крутого. Распространителями таких слухов явились крестьянские мальчики Карп и Семеон Говоровы, 13 лет, и Борис Мельников 12 лет, девочка Акилина Шилова 12 лет и крестьянка Евгения Мельникова. Говоровы, Борис Мельников и Шилова при полицейском дознании показали, что спустившись в пещеру через очень узкое отверстие оной, они увидели там стол с зажженными на нем свечами и молящегося старца-монаха. Крестьянка же Евгения Мельникова в темной пещере видела только «блистающие украшения наподобие подков на виденном монахе». Полицией был произведен осмотр пещер, и в ней ничего не оказалось. Тем не менее, молва о видениях все далее и далее распро-

страняется, и к пещере стекаются значительные толпы народа. В видах успокоения умов, мною предложено г. Исправнику сделать пещеру всем доступною, расширить и обезопасить вход в нее. О вышеизложенном долгом поставлено донести Святейшему Правительствующему Синоду с присовокуплением, что признаков неблагонамеренного вымысла или корыстных видов распространения упомянутых слухов полицейским дознавателем не установлено» [РГИА, Ф. 796, Оп. 182, Д. 2469, Л. 1–2].

Второй документ представляет собой рапорт секретаря Уфимской духовной консистории на имя обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, написанный 24 июня 1883 г. Согласно рапорту, Мензелинский уездный исправник Крживицкий допросил проживающую «в Мензленском женском монастыре крестьянку Анастасию Антонову по поводу распространения ею слуха о существовании будто бы, в редулах Мензленского уезда, в имени купца Стахеева, около Св. ключа, в пещере неугасимой лампы пред образом Божией Матери и мощей». В результате допроса выяснилось, что Анастасия Антонова «с двухлетнего возраста находилась на воспитании у просфорни Троицкой церкви Глафиры Евлампиевой до 12 лет, после того скиталась в разных местах и была принимаема людьми, желавшими дать ей приют как совершенно беспомощной женщине, со слабым здоровьем и при том одержимой падучею болезнью. Таким образом, последнее время она находила пристанище в Мензелинском женском монастыре, но не была даже послушницей, а поэтому в монашество не постригалась. Ей 26 лет, вероисповедания Православного,

под судом и следствием не была, писать не умеет, читать немного знает, находится в здравом уме и памяти. Лет шесть тому назад, когда приносят на Св. ключ икону Святителя и Чудотворца Николая, в числе многих богомольцев и она приходит на поклонение. Услышав, что недалеко от местной часовни находится пещера, вознамерилась исследовать внутренность ее, и когда все люди, бывшие на богомолье, разошлись по домам, что было около 10 часов вечера, купила восковых свеч и отправилась в пещеру. На первый взгляд, внутренность пещеры показалась довольно обширною, но когда пришлось дальше углубляться в пещеру, она становилась все уже и уже, так что она, Антонова, принуждена была в глубину пещеры проникнуть ползком, на боку, и такое узкое пространство продолжалась примерно до 30 сажень. После же двух поворотов открылась видимая площадка и в глубине ее запертая снаружи дверь; отворив дверь, она увидела икону Божией Матери, прибитую гвоздями к стене и пред образом висящую теплящуюся лампадку, в одном углу – железный посох и стол, затем увидела еще одну дверь, точно так же запертую на крючок, отворила и эту вторую дверь и увидела против самых дверей два гроба, покрытые покровами, здесь она помолилась и потом тем же ходом вышла обратно уже днем около часа времени. Проведенное в пещерах его время, почти 12 часов, она употребила на то, чтобы через крайне узкий проход проползти туда и обратно, после того была почти каждый год в этой пещере и видела то же самое явление и при иконе горящую лампадку. Присутствие живого человека в пещере ни разу не замечала. Место, ею описанное, она может указать во всякое время... ». Ожидая распоряжения обер-прокурора по поводу распространяемых слухов, «консистерия предписала Благодичному, Протоиерею Владимиру Уводскому сделать предостережение членам притча церкви села Соболекова, в приходе коей находится местность, указываемая Антоновою, чтобы они не только сами не принимали никакого участия <... > к утверждению слухов, но и прихожан вразумляли не увлекаться ее рассказом» [РГИА Ф. 797, Оп. 53, Д. 244, Л. 1–2].

Знакомство с вышеизложенными рапортами раскрывает перед нами две сходные сюжетные линии, связанные с определенными видениями в пещерах. Надо заметить, что элементы записанных в них рассказов мало отличаются от тех, которые фиксируются в настоящее время при сборе пещерного фольклора. Вместе с тем описания, изложенные в рапортах, имеют важную особенность: официальное документирование первичного повествования с фиксированием статусных характеристик рассказчиков.

В первом случае, молящегося за столом с зажженными свечами монаха видели дети (интересная деталь: находящаяся рядом с ними женщина наблюдала лишь некое блистание). Во втором случае, неугасимую лампаду перед иконой и мощи наблюдала «совершенно беспомощная женщина, со слабым здоровьем и притом одержимая падучею болезнью»,

то есть по своим характеристикам (беспомощность) напоминающая ребенка. Надо заметить, что дети и болеющая «падучей болезнью» женщина – это неполноправные участники социума. Их неукорененность в доминирующей культуре делает их наиболее восприимчивыми к проявлениям коллективного бессознательного. В их рассказах мы можем наблюдать типичные образы, связанные с христианским представлением о подвиге пещерничества. В первом случае мы сталкиваемся с молящимся в пещере отшельником, во втором случае – с мощами подвижников, похороненных по древнему обычаю в местах их подвига. Отсюда и такой отклик среди окрестного населения, истосковавшегося по образам Святой Руси в Синодальный период истории Русской православной церкви. Надо заметить, что в обоих случаях местные власти достаточно адекватно подошли к возникшему в социуме волнению. Они не стали привлекать никого к ответственности за распространение слухов (такие случаи, к сожалению, в то время случались [Степкин, 2014: 190–195]), а ограничились лишь разъяснительной работой, понимая, что запретами и наказанием здесь ничего не решить.

Интересно еще одно направление рассмотрения рассказов, отраженных в рапортах: бессознательное восприятие пещеры в плоскости таких понятийных ассоциаций-противопоставлений, как жизнь-земля-время и смерть-подземелье-вечность [Степкин, 2014: 358]. О восприятии пещер, упомянутых в рассказах как образа вечности, свидетельствуют такие образы, как неугасимая лампада, нетленные мощи, каменные столы, железный посох. Некоторые из данных образов, читаемые в том же контексте, встречаются также в фольклорных рассказах [Степкин, 2013: 170–171]. Старец, наблюдаемый детьми в пещере, может рассматриваться как временной ряд жизни человека в крайних его позициях. В этом контексте проникновение в пещеру через узкий лаз или отверстие может рассматриваться как фольклорный образ временного тоннеля своеобразной «кротовой норы».

Не менее интересны личностные аспекты Анастасии Антоновой. Случившееся с ней видение происходит на фоне личностного кризиса, связанного с ее маргинальным положением. Она сирота, у нее нет семьи. Анастасия живет в монастыре, но не является монахиней, при этом она страдает тяжелым заболеванием. Неустроенность в этой жизни заставляет ее искать ответы сквозь призму вечности, представляющей собой пещеру неподалеку от родника, дающего живительную влагу.

В контексте полевых спелестологических исследований для нас важна фиксация видений на фоне реально существующего ландшафта. Это позволяет нам идентифицировать упомянутую в рапорте пещеру в Мензелинском уезде Уфимской губернии с ныне существующей в известковых туфах у пос. Красный ключ (бывший Святой ключ) в Нижнекамском районе Республики Татарстан. До сегодняшнего дня эта естественная пещера занимает важное место в реги-

ональном сакральном ландшафте. Особенностью ее повторной мифологизации, проявляющейся в современном фольклоре, является ярко выраженный разно конфессиональный характер. Пещера воспринимается как сакральное пространство и среди мусульманского, и среди христианского населения. Так, по одним легендам, в XVII в. здесь жил и молился в

вырубленной пещере имам Даухит, а по другим – у источника была найдена икона, а над пещерой возведена часовня [Гунько, 2013: 17]. Этот фактор может свидетельствовать о почитании Святого ключа еще до момента появления здесь монотеистических общин, наполнивших уже существующее сакральное пространство вокруг родника новыми образами.

Литература

Гунько А.А. Культурные пещеры Приуралья // Сакральное пространство пещеры. Тезисы докладов и сообщений VII Международной научной конференции по Церковной археологии (Севастополь, 8–14 сентября 2013 г.). – Севастополь, 2013. – С. 16–17.

Степкин В.В. Восприятие пещеры как пространственно-временного тоннеля в народной культуре лесостепного Подонья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – № 4 (30): в 3-х ч. – Ч. III. – Тамбов: Грамота, 2013. – С. 169–172.

Степкин В.В. Ливенские родники – объекты природного и культурного наследия Воронежской области // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. Коллективная монография по материалам III Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 29–31 октября 2014 г.) / Отв. ред. В.П. Соломин, В.З. Кантор, Н.О. Верещагин, А.Н. Паранина – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. – С. 190–195.

Степкин В.В. Образ пещеры в преодолении экзистенции ужаса смерти в народной и исихастской традиции // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 7 (46). – Т. 3. – 2014. – С. 357–363.

РГИА, Фонд 796, Описание 182, Дело 2469.

РГИА Фонд 797, Описание 53, Дело 244.